

онъ особеннымъ, бессмысленнымъ солдатскимъ голосомъ. А если «удаляется», долженъ стрѣлять, прибавить онъ, очевидно гордясь тѣмъ, что онъ знаетъ, что нужно дѣлать, когда отецъ его станетъ удаляться.

И вотъ, когда онъ, добрый молодой человекъ, доведенъ до этого состоянія, ниже звѣря, онъ таковъ, какой нуженъ тѣмъ, которые употребляютъ его какъ орудіе насилія. Онъ готовъ: погубить человекъ и сдѣлать новое орудіе насилія.

И все это совершается каждый годъ, каждую осень, вездѣ, по всей Россіи, среди бѣла дня и большого города на виду у всѣхъ, и обманъ такъ искусенъ, такъ хитеръ, что всѣ видятъ его, знаютъ въ глубинѣ души всю гнусность его, всѣ страшныя послѣдствія его, и не могутъ освободиться отъ него.

3.

Когда откроются глаза на этотъ ужасный, совершаемый надъ людьми обманъ, то удивляешься на то, какъ могутъ проповѣдники религіи христіанства, нравственности, воспитатели юношества, просто добрые, разумные родители, которые всегда есть въ каждомъ обществѣ, проповѣдовать какое бы то ни было ученіе нравственности среди общества, въ которомъ открыто признается всѣми церквами и правительствами, что истязанія и убійства составляютъ необходимое условіе жизни всѣхъ людей, и что среди всѣхъ людей всегда должны находиться особенные люди, готовые убить братьевъ и что каждый изъ насъ можетъ быть такимъ же?

Какъ же учить дѣтей, юношей, вообще просвѣщать людей, не говоря уже о просвѣщеніи въ духѣ христіанскомъ, но какъ учить дѣтей, юношей, вообще людей какой бы то ни было нравственности рядомъ съ ученіемъ о томъ, что убійство необходимо для поддержанія общаго, слѣдовательно, нашего благосостоянія и потому законно, и что есть люди, которыми можетъ быть и каждый изъ насъ, обязанные истязать и убивать своихъ ближнихъ и совершать всякаго рода преступленія по волѣ тѣхъ, въ рукахъ кого находится власть. Если можно и должно истязать и убивать и совершать всякаго рода преступленія по волѣ тѣхъ, въ рукахъ кого находится власть, то нѣтъ и не можетъ быть никакого нравственнаго ученія, а есть только право сильнаго. Оно такъ и есть. Въ сущности, такое ученіе, для нѣкоторыхъ теоретически оправдываемое теоріей борьбы за существованіе, царствуетъ въ нашемъ обществѣ.

И дѣйствительно, какое же можетъ быть нравственное ученіе, при которомъ можно допустить убійство для какихъ бы то ни было цѣлей? Это такъ же невозможно,

какъ какое бы то ни было математическое ученіе, при которомъ можно допустить, что 2 равно 3.

Можетъ быть при допущеніи того, что 2 равно 3 подобіе математикъ, но не можетъ быть никакого дѣйствительнаго математическаго знанія. И при допущеніи убійства въ видѣ казни, войны, самозащиты, можетъ быть только подобіе нравственности, но никакой дѣйствительной нравственности. Признаніе жизни каждаго человекъ священной есть первое и единственное основаніе всякой нравственности.

Ученіе око за око, зубъ за зубъ, жизнь за жизнь оттого и отмѣнено христіанствомъ, что это ученіе есть только оправданіе безнравственности, есть только подобіе справедливости и не имѣетъ никакого смысла. Жизнь есть величина, не имѣющая ни вѣса, ни мѣры и не могущая быть приравнена никакой другой, и потому уничтоженіе жизни за жизнь не имѣетъ смысла. Кромѣ того, всякій законъ общественный есть законъ, имѣющій цѣлью улучшеніе жизни людей. Какимъ же образомъ можетъ уничтоженіе жизни нѣкоторыхъ людей улучшить жизнь людей? Уничтоженіе жизни не есть актъ улучшенія жизни, но актъ самоубійства.

Уничтоженіе чужой жизни для соблюденія справедливости подобно тому, что бы сдѣлалъ человекъ, когда для того, чтобы поправить бѣду, состоящую въ томъ, что онъ лишился одной руки, онъ для справедливости отрубилъ бы себѣ и другую.

Но не говоря уже о грѣхѣ обмана, при которомъ самое ужасное преступленіе представляется людямъ ихъ обязанностью, не говоря объ ужасномъ грѣхѣ упогребленія имени и авторитета Христа для узаконенія наиболѣе отрицаемаго этимъ Христомъ дѣла, какъ это дѣлается въ присягѣ, не говоря уже о томъ соблазнѣ, посредствомъ котораго губяты не только тѣла, но и души «малыхъ сихъ», не говоря обо всемъ этомъ, какъ могутъ люди даже въ виду своей личной безопасности допускать то, чтобы образовывалась среди нихъ, людей дорожащихъ своими формами жизни, своимъ прогрессомъ, эта ужасная, бессмысленная и жестокая и губительная сила, которую составляетъ всякое организованное правительство, опирающееся на войско? Самая жестокая, ужасная шайка разбойниковъ не такъ страшна, какъ страшна такая государственная организація. Всякій атаманъ разбойниковъ все таки ограниченъ тѣмъ, что люди, составляющие его шайку, удерживаютъ хотя долю человѣческой свободы и могутъ воспротивиться совершенно противныхъ своей совѣсти дѣлъ. Но для людей, составляющихъ часть правильно организованнаго правительства съ войскомъ, при той дисциплинѣ, до которой оно доведено теперь, для такихъ людей